

**РАФАЭЛЬ
ГРУГМАН**

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

ОТ ЛЮБВИ ДО НАСИЛИЯ

Рафаэль Гругман

Женщина и война.
От любви до насилия

«Алисторус»

2018

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Гругман Р. А.

Женщина и война. От любви до насилия / Р. А. Гругман —
«Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-71-5

Что происходит с женщинами и мужчинами во время длительных боевых действий, когда в обществе нарушается демографический дисбаланс, и по обе стороны фронта миллионы женщин и мужчин детородного возраста становятся одиноки? Всё было в оккупации и на фронтах – Западном, Восточном и Тихоокеанском: пьяный разгул и беспорядочные половые связи с частой сменой партнёров; солдатские бордели и массовые военные изнасилования, которыми отметились все армии стран гитлеровской и антигитлеровской коалиций; «дети войны» – они же, «дети разных народов», родившиеся на оккупированных территориях; и любовь, – словами Давида Самойлова: «Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые. / Война гуляет по России, / А мы такие молодые!» Всё оказалось вперемешку в XX веке в самой кровопролитной бойне в истории человечества. Книга «ЖЕНЩИНА И ВОЙНА. От любви до насилия» – взгляд на войну под другим ракурсом; женские истории, судьбы – то, о чём стыдливо умалчивали все долгие годы.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907028-71-5

© Гругман Р. А., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть I. «Свои» против «своих»	10
Короткое слово: «война»	11
Свидетельствуют фронтовики	14
Забывшие девчонки	19
Спасибо ППЖ за «тепло неласкового тела»	20
Партизанская жена	27
Пешки Отечественной войны	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рафаэль Гругман
Женщина и война
От любви до насилия

© Гругман Р., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

*Любимым тётушкам, офицерам-военврачам, Анне и Евгению
Ривилис*

Предисловие

О Второй мировой войне сказано и написано много. Поделились воспоминаниями участники боевых действий, солдаты, генералы и маршалы, бывшие в прошедшей войне по разные стороны фронта; разговорились политические деятели (Черчилль даже удостоился Нобелевской премии по литературе). Война завершилась семьдесят лет назад, и лица, кровно заинтересованные в сокрытии тайн, большей частью покинули этот мир, позволив за давностью лет странам-победительницам частично раскрыть засекреченные архивы. Историки получили возможность заново осмыслить события, унесшие более шестидесяти миллионов жизней, и, казалось, ими сказано уже всё. Тем не менее остаются закрытые и полузакрытые темы, прикосновение к которым вызывает ожесточённые споры.

Белые пятна в истории Второй мировой войны: стенограммы переговоров Молотова, Сталина, Риббентропа и Гитлера; тайна захоронения нацистского золота; засекреченные архивы Коминтерна; судьба и протоколы допросов Рауля Валленберга; масштабы разрушений в европейской части СССР, списанные на немцев, – взорванные по приказу Ставки заводы и электростанции, города и посёлки; «подвиги» французской эсэсовской дивизии, в декабре 1941-го наступавшей на Москву, а в 1945-м отчаянно сражавшейся против Красной армии в Померании и в Берлине...

Но и союзники по антигитлеровской коалиции не спешат раскрывать засекреченные архивы. В 1987 году в западноберлинской тюрьме Шпандау повесился (или убит – есть и такая версия) Рудольф Гесс, первый заместитель Гитлера по национал-социалистической партии. Произошло это накануне передачи охраны Международной тюрьмы Советскому Союзу, когда просочилась информация, что Горбачёв намеревается помиловать узника века, в мае 1941-го, за шесть недель до начала германского наступления на Советский Союз, перелетевшего в Англию, отрекомендовавшись личным посланником фюрера. Что скрывает правительство Англии, обещав лишь в 2017 году рассекретить стенограммы его допросов? Неужели Гесс действительно проинформировал Черчилля о планах Гитлера напасть на Советский Союз и предложил ему заключить мир в обмен на совместный крестовый поход против большевиков, и будущий союзник Сталина, обрадовавшись возможности чужими руками сокрушить ненавистный ему режим, скрыл заманчивое предложение от Москвы? Уже и 2018-й год завершается, но молчат английские джентльмены, молчат, набрав воды в рот... И хотя Черчилль поучал: «Учите историю. В истории находятся тайны политической прозорливости», прошлое никого ничему не научит, пока закрыты архивы и остаются темы, к которым запрещено или боязно прикасаться.

Но из множества щекотливых тем – *белых пятен в истории Второй мировой войны* – из-за закрытости архивов, остающихся малоизученными, наиболее неприглядная – о моральном разложении вошедшей в Германию Красной армии. Политруки, отвечающие за морально-политический дух, особые отделы (соглядатай был в каждом подразделении), СМЕРШ и войска НКВД, жёстко реагирующие на всё, связанное со словами «измена Родине», «трусость в бою», «дезертирство» и «попадание в плен», – вся эта сила не смогла удержать рабоче-крестьянскую Красную армию, превратившуюся в Германии в скопище мародёров и насильников. Незначительная прослойка интеллигенции, подавленная и шокированная пьяным разгулом вооружённой толпы, впервые увидевшей европейски цивилизованные города и деревни, не смогла ей противостоять. Но свершалось ли «наказание Германии» по высочайшему повелению Верховного главнокомандующего, а затем по его же повелению было жёстко приостановлено, или насилие было стихийной мстью, орудием которой стал детородный орган?

Советские издательства охотно публиковали ветеранские мемуары, вычищая всё, шедшее вразрез с официальной идеологией и способное навредить мифу о советском солдате

как о божестве, лишённом человеческих недостатков, который не травился спиртосодержащими жидкостями и не умирал в конвульсиях, не мародёрствовал, не расстреливал пленных и не насиловал детей и старух. Армию идеализировали. Лишь в новом тысячелетии ветераны, дожившие до девяностолетнего возраста, заговорили не только о героических подвигах.

В фантастических боевиках, вошедших в моду вместе с новыми технологиями, роботы, лишённые человеческих чувств и эмоций, сражаются с роботами или с электронными монстрами, такими же холодными и бесчувственными. В реалиях, далёких от кино и литературы, мужчины воюют с мужчинами. А им, едва Адам познал Еву (*с этого, говорят, всё и началось*), помимо потребностей в пище и воде и под грохот канонады войны хочется любви и секса. И если в обществе нарушается демографический дисбаланс и мужчины супротив воли на длительное время лишены амурных утех и не пребывают в однополном сообществе на подводной лодке или в тюрьме (*там, рассказывают, свои «прелести»*), то... читай книгу «ЖЕНЩИНА И ВОЙНА. От любви до насилия»...

Книги о войне, художественные и документальные, преимущественно обращены к мужской аудитории – в них женщины украшают благородных мужчин и ратные подвиги воинов-рыцарей, которым по определению не чуждо ничто, а в военную годину и подавно прощительно. Книг, обращенных к женской аудитории, почти нет. «ЖЕНЩИНА И ВОЙНА. От любви до насилия», как и книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели», – взгляд на войну под другим ракурсом. О том, что стыдливо замалчивалось и замалчивается.

В начале нового века, благодаря западным публикациям, в России заговорили о сексуальных преступлениях, совершённых военнослужащими Красной армии; они «задели за живое» блюстителей советской эпохи (не пьянство и грабежи!), и, задыхаясь от возмущения, стражи советского прошлого назвали западные публикации измышлением и очернительством. Хотя бывало, что и в советское время в кухонных разговорах под водку с жареной картошечкой у ветеранов развязывался язык, и они рассказывали (без подробностей, разумеется), что за преступления гитлеровцев Красная армия обрехатила пол Германии. Их юные слушатели, разинув рот, восхищались доблестью фронтовиков, восклицая, что, когда речь идёт о преступлениях фашистов, следует забыть о милосердии и христианской морали: «Око за око, зуб за зуб! Нюрнбергский процесс предназначен для наказания высших руководителей рейха, а трахание Германии – праведный гнев, германские женщины расплачивались за преступления своих сыновей».

Но даже в состоянии алкогольного опьянения ветераны контролировали язык, не признаваясь в сексуальном насилии над сослуживцами, женщинами-красноармейцами, или над перемещёнными лицами – девушками, насильно угнанными на работу в Германию, в том числе и над несовершеннолетними. Они осознавали: это не возмездие, – не соотносится праведный гнев с надругательством над соотечественниками! – а уголовное преступление, сурово караемое в любой стране.

Тема преступлений военнослужащих на сексуальной почве во время военных конфликтов не новая. Дружественные и враждебные армии стран гитлеровской и антигитлеровской коалиции не были пайныками и следовали звериным инстинктам, приобретёнными человеческими самцами со времён первобытных войн: победитель толпами угоняет женщин в сексуальное рабство и насилует побеждённых, а солдаты во время длительных войн теряют человеческое лицо и превращаются в охотников за «живым товаром». Об их «подвигах» охотно писалось в советской и российской прессе. Однако вокруг аналогичных прегрешений Красной армии советская цензура (ныне «общественное мнение») воздвигла стену молчания. Армия, в каж-

дом подразделения которой были политруки, отвечавшие за её мораль и политическую благонадёжность, изображалась образцом нравственности, непорочной и непогрешимой. Армия, руководимая политруками, не мародерствовала, не вывозила награбленное: солдаты – в вещевых мешках, а генералы и маршалы – вагонами. Армии поставили памятник – двенадцатиметровую фигуру солдата в Трептов-парке, в Берлине, в том самом городе, в котором она не оставила ни одной девственницы школьного возраста, и подменили термины: награбленное назвали трофеями, а изнасилование немок – возмездием, стыдливо умолчав об изнасилованиях соотечественниц, женщин-военнослужащих Красной армии, перемещённых лиц и узниц нацистских концлагерей. Немецкие женщины называли мемориал Красной армии в Берлине не «Монументом воину-освободителю», а «Могилой неизвестного насильника».

Заговор молчания продолжался более шестидесяти лет. Васильченко в книге «Сексуальный миф III рейха»¹, подробно описав злодеяния нацистов и признав, что «бойцы Красной армии не раз совершали эксцессы на оккупированной немецкой территории», тут же оговорился, что «они были всего лишь ответной реакцией на зверства, совершённые немцами». После этого он перешёл в наступление. Цитирую: «Многочисленные публикации в жёлтой прессе, где в приступе национального мазохизма, помноженном на изуверскую гордость, констатируется, что в советской зоне оккупации изнасилований было чуть ли не на порядок больше, чем у союзников. Непростительное отношение к своей истории. Никто не отрицает эксцессов, вызванных войной. Но это ещё не позволяет издеваться над нашим прошлым».

Такая вот логика. Попытка рассказать правду – издевательство над прошлым. Но стоило Васильченко признать, что, «когда наша армия заняла Берлин, опасения немцев во многом оправдались», он задал риторический вопрос: «Что это было – горьким уроком истории, справедливым возмездием за высокомерие Третьего рейха, плата за военное безумие Гитлера?» Ответ прозвучал в вопросе, хотя он попытался его заболтать: «Не будем давать ответ на этот вопрос»; затем, понимая, что затронул запретную тему, пояснил, что безумство детородного органа «всего лишь ответная реакция» и «справедливое возмездие за высокомерие Третьего рейха, плата за военное безумие Гитлера».

Но, прежде чем Красная армия вошла в Германию и, прикрывшись словом-щитом «возмездие», открыто, с убийством сопротивляющихся начала удовлетворять похоть, три года изголовавшиеся самцы принуждали к сексу соотечественниц. Их в армии было немало – до десяти процентов личного состава в конце войны. «Своих» женщин, если они добровольно не соглашались на секс, «имели» втихомолку, используя в одних случаях силу, в других – моральное принуждение и командирскую власть. Урок нравственности преподавал солдатам высший офицерский состав: «война спишет всё».

Всё было в оккупации и на фронте, Западном, Восточном и Тихоокеанском. Пьяный разгул и беспорядочные половые связи с частой сменой партнёров; солдатские бордели и массовые военные изнасилования, содеянные армиями стран гитлеровской и антигитлеровской коалиций; «дети войны» – они же «дети разных народов», родившиеся на оккупированных территориях; любовь – словами Давида Самойлова: «Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые. / Война гуляет по России, / А мы такие молодые!»

Жан-Поль Сартр, французский философ, писатель и драматург, писал, вспоминая «клубничные годы» (*его слова*) нацистского режима: «Мы никогда не были так свободны, как при немецкой оккупации» – под этим он подразумевал разгул и необузданную сексуальную свободу, охватившую Париж. Его любовница, писательница Симона де Бовуар, ставшая в послевоенной Франции лидером феминистского движения, вторила ему в документальном фильме

¹ Васильченко А. В., «Сексуальный миф III Рейха» – Яуза-Пресс, 2008.

«*Amour et sexe sous l'occupation*» («Любовь и секс во время оккупации»): «Мы были молоды, и нам хотелось утонуть в вихре лихорадочных страстей».

Что происходит с женщинами и мужчинами во время длительных боевых действий, когда в обществе нарушается демографический дисбаланс и по обе стороны фронта миллионы женщин и мужчин детородного возраста становятся одиноки?

«ЖЕНЩИНА И ВОЙНА. От любви до насилия» – книга о женщинах, опалённых войной. Жизненные истории в тылу и на фронте. Человеческое (женское) измерение Второй мировой войны. Всё оказалось вперемешку в самой кровопролитной бойне в истории человечества: любовь, секс и война. Искренние чувства, необузданная похоть, любовь, тонны крови и миллионы смертей.

Часть I. «Свои» против «своих»

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...
Булат Окуджава

Короткое слово: «война»

Жизнь продолжается и во время войны. Нельзя запретить любовь, вспыхивающую внезапно в самых неожиданных местах и, казалось бы, в самое неподходящее время. Повесть Бориса Васильева «В списках не значился», даже после многократного прочтения проникающая в каждый уголок сердца, рассказывает о лейтенанте Николае Плужникове, выпускнике военного училища, последнем защитнике Брестской крепости, и о любви, родившейся в подполье между ним и хромоногой еврейской девушкой Миррой.

Снарядам и пулям любовь неподвластна. Несмотря на тяготы окопной жизни, пробуждались на фронте искренние чувства, рождались трогательные, трагически завершившиеся истории любви (фильм Тодоровского «Военно-полевой роман» рассказывает об одной из них); было немало счастливых пар, вернувшихся с фронта мужем и женой и до глубокой старости сохранивших нежные отношения. Семьи, созданные на фронте, в гражданской жизни не разрушались. Зачастую у семейных людей фронтовой роман превращался в серьёзные отношения: мужчину и женщину, которых столкнули случайные обстоятельства, объединили военные будни, повседневный риск и жизнь под огнём, когда каждый день мог оказаться последним.

Окопная любовь – прямая противоположность курортному роману, также скоротечному. Курортный адюльтер, мимолётный, лёгкий и необременительный, – его заранее предвкушают, мечтая расслабиться, «оторваться» от повседневной рутины и обыденностей семейной жизни и насладиться легкомысленным безумием пляжного сезона (классический сценарий описан Чеховым в «Даме с собачкой»). Случайные партнёры курортного романа, связанные узами брака, не строят матримониальных планов. Но и в окопах не строят планов на будущее и живут сегодняшним днём – под огнём жизнь обесценилась, завтрашнего дня может не быть.

Окопная любовь нередко была короткой, порой однодневной, на длительные ухаживания и романтические свидания время не отведено – в первые годы войны за неделю боёв дивизия превращалась во взвод. Кому как повезёт, люби столько, сколько отпущено шальным осколком снаряда: день, два, неделю. Окопная любовь, скреплённая кровью, перевешивала семейные отношения из другой, мирной жизни.

«Тыловые жены» об этом догадывались и в ситуации, когда в тылу один мужчина приходился на трёх женщин, паниковали и, бывало, искали в запасном варианте утешение от похоронок или от прощальных писем с фронта: «Прости, война всё спишет». Впрочем, случалось, такие же письма летели и в обратную сторону. Никого строго судить нельзя. Ведь и в мирной жизни длительная разлука сказывается на семейных отношениях.

Екатерина Фурцева, прозванная льстецами Екатериной Третьей за её должность секретаря и члена Президиума ЦК КПСС – высота, на которую в России со времён тётки-императрицы женщина не взбиралась, – также схлопотала удар судьбы. В мае 1942-го, в эвакуации в Куйбышеве, где Екатерина работала инструктором горкома партии, она родила дочь Светлану – имя дочери Сталина в семьях партийной и советской элиты стало самым популярным для новорождённых девочек, и, подхалимничая, Молотов и Шолохов также называли Светланами своих дочерей. Через четыре месяца после рождения дочери муж Фурцевой приехал в Куйбышев на кратковременную побывку и объявил жене о появлении на фронте другой женщины: «Прости, Катенька, но к тебе я уже не вернусь». Война, что ни поделатъ, будь она проклята...

С раскатами артиллерийской канонады рухнули моральные устои там, где они ещё продолжали существовать. Война оставила после себя изломанные семьи и деревни без мужиков, в которых женщины, как спелые вишни, лопались от сока и мечтали о мужичонке, даже об инвалиде, лишь бы у него плодоносил детородный орган.

Припоминаются воспоминания (*автора подзабыл*), опубликованные в нью-йоркской газете «Русский базар». В послевоенные годы он работал лектором общества «Знание» и в

осенне-зимний период разъезжал с лекциями по сёлам. Радио и электричество было не во всех деревнях, лектор из города в отдалённых посёлках, где транспорт по большей части был гуже-вой, – событие неординарное. Но мужчине ведь надо где-то переночевать! Этим воспользовался жалостливый председатель колхоза. Для поощрения солдатских вдов и одиноких женщин он установил очередь на ночлег, подселял к первоочередницам лектора, давал указание бухгалтерии выписать хозяйке водку, продукты и уголь, чтобы она протопила баньку. Любовь в послевоенных деревнях распределялась по справедливости, солдатских вдов награждали заезжими мужиками...

Похожую историю о деревенской женщине, ради секса и счастья деторождения приютившей безногого и безрукого, рассказал Николай Никулин, ведущий научный сотрудник и член Учёного совета Государственного Эрмитажа, а в годы войны – сержант-артиллерист. Из разговора раненых в прифронтовом госпитале:

«А вот послушайте, что мне из дому пишут. Соседа моего, Прошку, красавца-парня, косяя сажень в плечах, погнали на войну в самом начале. И в первом же бою его ранило, да так, что в госпитале ампутировали обе руки до плеч и ноги до основания. Остался самоварчик. И сгноили бы его вскорости <...> если бы не Марья – молодая вдова из нашей деревни. Бабым умом она поняла, что быть войне долгой, мужиков не останется и куковать ей одной до конца дней своих. Поняла и взяла Прошку из госпиталя. Привезла домой, вбила костыль в стену и повесила туда мешок с Прошкой. Висит он там сытый, умытый, причесанный, даже побритый. А Марья его погулять выносит, а как вечер, вынимает из мешка и кладёт себе в постель. И всё у них на лад. Уже один пострел булькает в колыбели, а второй – в проекте. И колхоз Машке помогает, даёт ей всякие послабления: шутка ли, такой инвалид в доме, с орденом на мешке... Марья сияет, довольна. Мужик-то всегда при ней – к другой не уйдет, не запьёт. А по праздникам она ему сама бутылку для поднятия настроения ставит. И ожил, говорят, Прошка-то, висит на своём крюке, песни поет да посвистывает...»²

Но помимо тяжких испытаний, моральных и физических, выпавших женщинам в тылу и на фронте, им довелось пережить унижения, оскорбления, надругательства – оправдание насилию они слышали в слове «война».

Лётчицы, партизанки, связистки, разведчицы, зенитчицы, врачи и санинструкторы, со школьной семьи ушедшие «в грязную теплушку... в блиндажи сырые, от Прекрасной Дамы в “мать” и “перемать”»³, – им посвящена прекрасная повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие», экранизированная Ростоцким и ставшая классикой советского кинематографа. При мыслях о фронтовичках всплывают в памяти любимые кинофильмы «В бой идут одни старики» и «Небесный тихоход» об отважных женщинах-лётчицах и романтической любви, которой неподвластна война, пули и смерть...

Девушки, добровольцами ушедшие на фронт и к концу войны, составлявшие до десяти процентов личного состава Красной армии, уходившие наивными барышнями и называвшими дяденьками своих командиров и в девятнадцать лет поседевшие. Бесхитростные девчонки, как Юлия Друнина, завывавшие возраст, чтобы поскорее попасть на фронт, которым казалось, что враг будет молниеносно разгромлен и война будет вестись на чужой территории. Юлия Друнина: «Больше всего я боялась, что это произойдёт без моего участия, что я не успею попасть на фронт», – их подвиг ни с чем не соизмерим. Снайперши, разведчицы, санитарки... они были в первом эшелоне и во втором: медсёстры, почтальоны, прачки и поварихи...

Светлана Алексиевич, документальная повесть «У войны не женское лицо». Она первая, когда разжались щупальца цензуры, собрала и опубликовала воспоминания женщин-военно-

² Никулин Н.Н., «Воспоминания о войне» – Издательство Гос. Эрмитажа, 2008.

³ Из стихотворения Юлии Друниной.

служащих: о фронтовых буднях, о быте, о вшах, интимных чувствах, «женских делах» и о любви, которую не всегда можно назвать любовью. Она записала рассказ медсестры (кому-то он покажется смешным и забавным), бросившейся ночью в холодную воду вытаскивать раненого, и вытащила же после отчаянной борьбы! – оказалась в человеческий рост раненая белуга. Смешно, не правда ли? Но только не для тех, кто кричал, истекая кровью и взывая о помощи: «Сестричка!»

Женскими проблемами природа мужчину не наградила, и ни один мужчина не расскажет то, что вспомнила о войне разведчица Альбина Гантимурова:

«Начался бой. Огонь шквальный. Солдаты залегли. Команда: „Вперед! За Родину!“ – а они лежат. Опять команда – опять лежат. Я сняла шапку, чтобы видели: девчонка поднялась... И они все встали, и мы пошли в бой... Вручили мне медаль, и в тот же день мы пошли на задание. И у меня впервые в жизни случилось... Наше... Женское... Увидела я у себя кровь, как заору: „Меня ранило!“

В разведке с нами был фельдшер, уже пожилой мужчина. Он ко мне:

– Куда ранило?

– Не знаю куда... Но кровь...

Мне он как отец всё рассказал...»⁴

Женские истории Алексиевич собирала семь лет с 1978 года, когда живы ещё были многие ветераны. Их не хотели печатать. В них не было героики, пафоса, описания выдающейся роли коммунистической партии – вдохновителя всех побед (о катастрофах старались не упоминать). Женщины-фронтовички, которых на словах возвеличивали, а за глаза в послевоенной жизни называли офицерскими подстилками и цинковками, рассказывали о другой войне, скрываемой от послевоенного поколения, воспитывавшегося на мифах и легендах.

В 1988 году книгу «У войны не женское лицо» издали двухмиллионным тиражом, невиданным для нынешних публикаций. Однако о многом эта книга умалчивает; частично и по вине фронтовичек, не решившихся обнажить память. Тогда ещё существовала политическая цензура (она исчезла после распада СССР) и сильны были ветеранские организации, контролируемые обласканными властью идеологически проверенными представителями сильного пола, оберегающими общество от нежелательной информации. Но правда частичной или недоговоренной не бывает, тогда это неправда, по отношению к потомкам – преступная фальсификация истории, какими бы побуждениями и добродетельными мотивами она бы ни была вызвана.

Свои и чужие. О сексуальных преступлениях (изнасилованиях «своими» «своих») писать сложно. Статистические данные о делах, прошедших в военных судах, не опубликованы, а жертвы надругательств и через десятилетия опасались или не желали говорить о пережитом. Рассказы ветеранов войны и единичные публикации, появившиеся после развала СССР, никто не опровергал. От них отмахнулись с гневной риторикой защитников советского прошлого: это малый процент, ничем не отличающийся от статистики изнасилований, совершённых в мирное время, и не следует из единичных фактов возводить напраслину на доблестную Красную армию. Но женские истории не могут оставить равнодушными. Воюют мужчины, страдают – женщины. По обе стороны фронта.

⁴ Алексиевич С.У., «У войны не женское лицо» – М.: Правда, 1988.

Свидетельствуют фронтовики

Впервые мне стало известно о неуставных отношениях в Красной армии в середине 70-х; моя тётя, Аннушка Ривилис, врач-офицер, после окончания в 1943 году алма-атинского мединститута вместе со всем выпуском направлена была на фронт.

Молоденькая лейтенант, красавица и певунья, приглянулась начальнику прифронтового госпиталя, и хотя он ей в отцы годился, полковник принялся её обхаживать, настойчиво склоняя к оказанию сексуальных услуг. Фронтовой роман не складывался, и он решил продемонстрировать молодому хирургу, что ожидает строптивых девушек. Однажды после полудня, тоном, не терпящим возражений, он приказал: «Сегодня в одиннадцать часов вечера жду тебя в моей комнате».

– Никогда этому не бывать! – твёрдо ответила Аннушка.

Полковник рассвирепел. «Марш на передовую! – он назвал подразделение. – Приказываю провести проверку по форме двадцать и завтра к полудню доложить мне об исполнении».

Форма двадцать – кодовое название проверки на педикулёз, во время которой раздетые догола мужчины выстроены в строй для осмотра волосистой поверхности тела. Никогда офицеров, хирургов, не посылают на такое задание (для этого существует младший медперсонал, санинструкторы, имеющиеся в каждой роте) и не приказывают женщине отправиться в окопы немедленно, без провожатого, в ночь, в неизвестность, без чёткой ясности, где расположены вражеские окопы, а где свои.

Отдавая приказ, полковник цинично ухмылялся, наблюдая за подчинённой. Он знал, чем грозит одинокой девушке ночной поход к линии фронта, когда легко заблудиться и вместо своих окопов оказаться в немецких.

– Немедленно! – повторил садист, надеясь, что угроза попадания в плен возымеет действие, лейтенант испугается надругательств, которые могут её ожидать, и уступит.

Отказаться выполнять приказ, даже если он дикий и оскорбительный, она не могла. В армии приказы не обсуждаются, за невыполнение – трибунал, и лейтенант ответила так, как положено по уставу: «Есть!»

...Когда, уставшая и замёрзшая, она попала на передний край, наступила глубокая ночь. Боец, находившийся в охранении, проводил её в землянку, к командиру роты, молоденькому симпатичному лейтенанту, её ровеснику. Он напоил Аннушку чаем, а когда она обогрелась и немного обмякла – сказались усталость и нервное напряжение, – попытался её раздеть.

Она стала сопротивляться. У лейтенанта, успевшего «заправиться» алкоголем, похоть затмила разум, и он заорал: «Раз так – уходи! В моей роте тебе делать нечего!»

– Но сейчас ночь, я уйду утром, – взмолилась Аннушка.

– Нет, сейчас! Раз ты мне отказываешь, уходи!

– Как вам не стыдно? Вы же советский офицер... А если на моём месте оказалась бы ваша мать? У вас есть сестра? – спросила она, почувствовав, что лейтенант сник и начал прислушиваться к её словам. – Хорошо, я уйду, но если попаду в плен, то хоть буду знать, что надо мной надругался фашист, а не советский офицер.

Это подействовало. Лейтенант упал на колени и зарыдал.

– Сестра, прости! Прости меня, ради бога! Я тебя не обижу, сам уйду, а ты отдыхай.

...На следующий день в стрессовом состоянии Аннушка вернулась в госпиталь. Раненому политруку, оказывавшему ей знаки внимания, она пожаловалась на сексуальные домогательства начальника госпиталя, рассказала, как на передовой чудом избежала изнасилования, и политрук предложил выйти за него замуж. О любви она даже не думала – шок, полученный предыдущей ночью, заставил принять предложение. Замужество избавило от принуждения к сексу – жена политработника обрела надёжную «крышу».

Мне казалось, что тётушкина история – единичный случай, не опровергающий романтические легенды советского кино и литературы, на которых, восхищаясь милосердием победителей, выросло послевоенное поколение, пока на закате брежневской эпохи на Каролино-Бугазе я не познакомился с Галей Москаленко, одноклассницей тёщи, выпускницей сорок первого года одесской 117 школы.

* * *

Галя Москаленко жила в Москве, к морю приехала с внучкой. Её судьба типична для девушек её поколения.

В 1942 году, оказавшись в эвакуации в Астрахани, восемнадцатилетняя Галя оставила маме прощальную записку и добровольцем ушла на фронт. После окончания артиллерийских курсов её направили в женскую зенитную батарею войск противовоздушной обороны, защищавшую небо Северного Кавказа. Вчерашние школьницы таскали снаряды, за считанные секунды учились ловить цель, управлять зенитным оружием, рыли окопы и блиндажи. Девушки срезали косы, надели не по размеру сшитое мужское обмундирование – только в кино оно ладное и пригнанное по фигуре – и, забыв о женской природе (у многих на войне прекратились месячные), наравне с мужчинами несли тяготы окопной жизни.

Начальником батареи был сорокалетний мужчина (как и в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие» о девочках-зенитчицах, которым, как и Гале, не было двадцати). На этом совпадения заканчиваются.

Начальник батареи не был похож на старшину Васкова из повести Бориса Васильева. И не только потому, что званием был повыше. Понравившуюся ему солдатку, не пожелавшую разделить с ним постель, он заставлял в дни, свободные от боёв, с утра до вечера копать и закапывать окоп. А другой солдатке приказывал вечером постелить ему постель, приготовить чай, постирать бельё. Отказаться выполнить приказ девочки не могли – они помнили о присяге и знали: приказ командира – закон для подчинённого. Неподчинение – трибунал.

Намаявшаяся на рытье окопов думала о той, которая стелет постель, имеет послабления и недоступные ей привилегии, потому как согласилась согреть её собственным телом, и рассуждала, что если она не последует примеру подруги, то на следующий день вновь с утра до вечера будет копать и закапывать окоп. Не лучше ли, вкрадывалась в душу мысль-искуситель, раз уж взвалила на себя тяготы воинской службы, оказать командиру десятиминутную сексу-услугу, о которой после войны никто никогда не узнает и которая избавит её от изнурительного труда?

Психологически расчёт командира-садиста, возмнившего себя турецким султаном, а девушек – рабынями из гарема, был прост: физическими нагрузками сломить сопротивление гордых и принудить к сексу.

...После одного из вражеских налётов Галя получила осколочное ранение и попала в прифронтовой госпиталь. За ранение ей полагалась медаль. После выписки для вручения награды её вызвали в штаб дивизии. Вручая медаль, комдив спросил, есть ли у неё какие-либо пожелания, и, осмелев, она попросила перевести её в другую часть.

– Почему? – удивился генерал.

– Могу ли я пожаловаться на командира батареи? – спросила Галя.

– Разумеется.

Генерал молча выслушал рассказ, а затем спросил: «Почему вы сразу об этом не доложили? Почему раньше никто не жаловался?»

– По уставу не положено жаловаться через голову командира, – ответила Галя.

– Идите, – ответил генерал. – Я разберусь.

Он сдержал слово – командир-садист был переведен в штрафбат. Дошёл ли он до Германии, ей неизвестно.

* * *

Почти аналогичная история приведена Ароном Шнеером в еженедельнике «Киевский ТелеграфЪ», 4–10 сентября 2009 года, № 36. Рассказывает Зина Сердюкова, бывший старшина разведывательной роты 6-го гвардейского кавалерийского корпуса:

«Была зима, взвод квартировал в сельском доме, там у меня был закуток. К вечеру меня вызвал командир полка. Иногда он сам ставил задачу по засылке в тыл противника. На этот раз он был нетрезв, стол с остатками еды не убран. Ничего не говоря, он бросился ко мне, пытаясь раздеть. Я умела драться, я же разведчик, в конце концов. И тогда он позвал ординарца, приказав держать меня. Они вдвоем рвали с меня одежду. На мои крики влетела хозяйка, у которой квартировали, и только это спасло меня. Я бежала по селу, полураздетая, безумная. Почему-то считала, что защиту найду у командира корпуса генерала Шарабурко, он меня по-отцовски называл «дочкой». Адъютант не пускал меня, но я ворвалась к генералу, избитая, растрёпанная. Бессвязно рассказала, как полковник М. пытался изнасиловать меня. Генерал успокоил, сказав, что я больше полковника М. не увижу. Через месяц мой командир роты сообщил, что полковник погиб в бою, он был в составе штрафного батальона».

В той же статье санинструктор Волков рассказывает, как поступали с девушками, отказывавшимися ублажать офицерский корпус.

«Когда в армию прибывала группа девушек, то за ними сразу “купцы” приезжали: “Сначала самых молодых и красивых забирал штаб армии, потом штабы рангом пониже”. Осенью 1943 года в его роту ночью прибыла девушка-санинструктор. А на роту положен всего один санинструктор. Оказывается, к девушке везде приставали, а поскольку она никому не уступала, её все ниже пересылали. Из штаба армии в штаб дивизии, потом в штаб полка, потом в роту, а ротный послал недотрогу в окопы».

Не напоминает ли это историю лейтенанта медицинской службы Анны Ривилис, отказавшейся уступить домогательствам начальника госпиталя и на ночь глядя отправленной в окопы? Несговорчивых девушек ждала передовая, сговорчивые оставались в штабах; несговорчивые – недоедали, грызли сухари и давили вшей, сговорчивые – ели американскую тушёнку, носили чистое бельё и мылись в бане. Неженское дело – война. Ни в чём не смею упрекать женщин-военнослужащих вынужденно ставшими фронтовыми жёнами. Одни, как Зоя Космодемьянская или как Галя Москаленко, на фронт пошли добровольцами. Другие надели форму после мартовского 1942 года постановления Государственного комитета обороны о массовой мобилизации женщин во все роды войск; другие ещё раньше – с 30 июня 1941-го, когда началась мобилизация женщин в войска ПВО, связи, внутренней охраны, на рытьё окопов и на строительство военно-автомобильных дорог. Как могли, так и выживали, сломленные фронтовым бытом. Ничего подобного в других армиях не было. Только в СССР женщины массово призывались в армию, служили в боевых частях и наравне с мужчинами участвовали в боевых действиях.

* * *

В конце 80-х, когда столичные журналы ошеломили читателей книгами, прежде запрещёнными политической цензурой, мой сослуживец, Яков Призонт, ветеран Великой Отечественной, пехотинец, сержант разведывательной роты, поделился воспоминаниями:

– Лето 1942-го, хаотичное отступление. Мы заночевали в окопе. Шесть человек. Среди нас девушка-санинструктор. Окоп узкий, спали на одном боку и по команде переворачивались. После одного из переворотов, тот, кто оказался за спиной девушки, её изнасиловал.

– Она не сопротивлялась?

– Нет. До смерти была напугана. Отступление, все вооружены, никто друг друга не знает. Боялась, наверное, что её убьют, если станет сопротивляться.

– Что было с ней дальше?

– Не знаю. На второй день разрывом снаряда у того, кто её изнасиловал, оторвало руку и ногу. Думаю, он не выжил. А её я больше не видел. Отступление беспорядочное, каждый в нём за себя.

* * *

Похожее воспоминание записала Алексиевич:

«Выходили из окружения... Куда ни кинемся – везде немцы. Решаем: утром будем прорываться с боем. Всё равно погибнем, так лучше погибнем достойно. В бою. У нас было три девушки. Они приходили ночью к каждому, кто мог... Не все, конечно, были способны. Нервы, сами понимаете. Такое дело... Каждый готовился умереть... Вырвались утром единицы... Мало... Ну, человек семь, а было пятьдесят. Посекли немцы пулемётами... Я вспоминаю тех девочек с благодарностью. Ни одной утром не нашёл среди живых... Никогда не встретил»⁵.

В обеих историях солдаты выходили из окружения. В первой – медсестра изнасилована случайным попутчиком. Вторая – о психологическом состоянии и вспышке сексуальности, ставшей защитной реакцией людей, уходящих в небытие. Они прекрасно понимали: единицы прорвутся утром сквозь пулемёты, а может, и никто. Такой была их прощальная ночь. Рука не поднимется никого осудить...

Последнее желание? Оно разное: у одних – сигарета, у других – секс. Кто-то хочет побыть наедине со своими мыслями и помолиться о близких, кто-то – забыться в алкогольном дурмане. На войне, где каждый день мог быть последним, родилась поговорка: «живём один день». Такой была психология солдата и офицера. «До смерти четыре шага», а если выживем и вернёмся домой – «война спишет всё». Эта фраза стала моральным утешением и жертв, и насильников. Но эта же утешительная мораль, оправдывающая сексуальные прегрешения, позволила многим, войдя в Германию, сорваться с цепи и продолжить жить одним днём, насиловать, грабить.

* * *

Развал Советского Союза нанёс психологический удар по ветеранам войны: некоторые, как, например, Юлия Друнина, не выдержали⁶, другие, психологически оказавшиеся более устойчивыми, когда исчезла цензура, разговорились.

7 мая 2004 года газета «Московский комсомолец» опубликовала записанные Екатериной Сажневой воспоминания Анны Соколовой, в 17 лет ставшей курсантом снайперской школы⁷.

⁵ Алексиевич С. У., «У войны не женское лицо» – М.: Правда, 1988

⁶ Юлия Друнина покончила жизнь самоубийством 20 ноября 1991 года, за месяц до распада СССР. Перед этим ей вернули стихи из нескольких журналов, сказав, что **такие** стихи теперь никому не нужны.

⁷ Сажнева Е., «Московский комсомолец», 7 мая 2004 года.

«Никакой любви на войне не было. Только простые солдаты к нам, девчонкам, хорошо относились, делились последним, а старшие офицеры заставляли с ними сожительствовать – вроде как мы их фронтовые жены.

<...> большинство девчат-снайперш на передовую попадали невинными. Но в первые же ночи их «прописывали» – приглашали выпивать с командирами и лишали девственности.

Хочешь жить в тепле и довольствии – согласишься.

Если же нет – за твою жизнь никто не поручится.

А война спишет всё...

– Мы в разведке были всего две девчонки – остальные-то мужики. Понятно, у них природа своё берёт. В первый же день пребывания нас вызвали в штаб: “Будут приставать офицеры – сразу же сообщайте!” Куда там! После этих слов испугались мы с Клавкой сильно. Старались друг от друга не отходить. Через какое-то время подъезжает к нам адъютант командира дивизии: “Вас двоих к себе вызывает генерал!” Собрались, поехали, хоть и ночь – а как откажешься? Это же приказ...

В командирской землянке сидели двое. Генерал и полковник. Оба довольные, раскрасневшиеся – за несколько часов до этого наши войска перешли в очередное наступление.

Стол накрыт богато. Здесь и американская тушенка, и русская картошка, и дефицитный медицинский спирт.

Тут же нехитрая лежанка. Одна на четверых.

– Я схитрила, притворилась, что мне нельзя сегодня – у меня месячные начались. Бог миловал, и меня отправили обратно, а Клавочка осталась пировать...

<...> С генеральских посиделок Клава Орлова вернулась под утро. “Не вини меня, Анюта, я с тем генералом пожила!” У самой слёзы, как горошины, по щекам катятся».

Екатерина Сажнева приводит она ещё одну историю, рассказанную Анной Соколовой. После боя за ней увязался некий офицер, распаленный фронтовыми «ста граммами». Она бежать, он – за ней.

«Я побежала и зацепилась широкими снайперскими штанами за ветку. Ну, думаю, конец мой пришёл – сейчас он меня настигнет, и никто не поможет. А потом и не докажешь, кто насильничал. И тут меня снял с куста проходивший мимо солдат <...>

По словам снайперши Соколовой, больше всего в освобождённых деревнях бесчинствовали и мародерствовали командиры»⁸.

⁸ Сажнева Е., «Московский комсомолец», 7 мая 2004

Забытые девчонки

Одинокие женщины, вернувшиеся с фронта, героями себя не чувствовали. Они подвергались психологическим и моральным унижениям, незаслуженным упрёкам и оскорблениям, мол, были офицерскими подстилками, уехавшими в армию, чтобы найти себе там мужей. А ведь никто их не спрашивал, хотят они в армию или нет, многие попали в окопы не по своей воле – по мобилизации, от которой нельзя уклониться.

... Анна Соколова, вернувшись в деревню и месяц промучившись с ночными кошмарами – ей постоянно снилась война, – не выдержала и уехала в Москву. Всю жизнь она проработала на ситцевой фабрике. «Вот только счастья не было. Это мужики вернулись с фронта героями. А для женщин находили другие слова... Многие парни обзывали нас по-всякому... Чего нам давать-то не хочешь? Небось, на фронте с генералами сладко спалось!»⁹

Аналогичные воспоминания фронтовички записаны Алексиевич:

«Я до Берлина с армией дошла... Вернулась в свою деревню с двумя орденами Славы и медалями. Пожила три дня, а на четвёртый мама поднимает меня с постели и говорит: “Доченька, я тебе собрала узелок. Уходи! Уходи... У тебя ещё две младших сестры растут. Кто их замуж возьмёт? Все знают, что ты четыре года была на фронте, с мужчинами”»¹⁰.

Дикой была мораль, если мать вынуждена выпроводить из дому дочь, вернувшуюся с фронта с боевыми наградами. Дикой была страна, не сумевшая защитить и обогреть женщин, её защищавших.

Алексиевич приводит рассказ командира сапёрного батальона:

«Кончилась война, они оказались страшно незащищенными. Вот моя жена. И она к военным девушкам плохо относится. Считает, что они ехали на войну за женихами, что все крутили там романы. Хотя на самом деле, у нас же искренний разговор, это честные были девчонки. Чистые. Но после войны... После грязи, после вшей, после смертей... Хотелось чего-то красивого. Яркого. Красивых женщин... У меня был друг, его на фронте любила одна прекрасная, как я сейчас понимаю, девушка. Медсестра. Но он на ней не женился, демобилизовался и нашёл себе другую, посмазливее. <...> А после фронта он жениться на ней не захотел, потому что четыре года видел её только в стоптанных сапогах и мужском ватнике. **Мы старались забыть войну. И девчонок своих тоже забыли**» (выделено мною. – Р.Г.)

⁹ Сажнева Е., «Московский комсомолец», 7 мая 2004 года.

¹⁰ Алексиевич С.У., «У войны не женское лицо» – М.: Правда, 1988

Спасибо ППЖ за «тепло неласкового тела»

На фронте родился термин «фронтовые жёны», или циничный и неуважительный – «походно-полевые жёны», сокращённо ППЖ. Они были почти у всех офицеров высшего и среднего звена – солдаты позволить такую роскошь себе не могли и с завистью поглядывали на господ-офицеров, у которых фронтовая любовь означала «служебный роман». Младшие офицеры, особенно на передовой, разгуляться не имели возможности (не то что в штабах и во втором эшелоне, где женского персонала побольше, – в госпиталях и банно-прачечных ротах). На передовой шанс заполучить фронтовую жену увеличивался с каждой новой звёздочкой на погонах.

Пример офицерскому корпусу, как обычно, показывал генералитет, которому Сталин без опубликования соответствующего указа Верховного главнокомандующего позволил иметь походно-полевых жён. Сожительниц генералитет и старшие офицеры выбирали из молодых девушек, служивших в штабах машинистками, связистками, врачами и медсёстрами; офицерам среднего звена, привыкшим к окопной жизни, доставались снайперши и санинструкторы. Таков был порядок, заведённый с первых дней Великой Отечественной.

22 сентября 1941 года командующий Ленинградским фронтом генерал армии Жуков потребовал в недельный срок удалить из штабов и командных пунктов командиров дивизий и полков всех женщин, находящихся там под видом обслуживающего персонала, с которыми «ряд командиров, потеряв лицо коммунистов, просто сожительствуют»¹¹. Через два дня Жуков направил руководству 8-й армии приказ: «В штабе армии среди командиров частей и соединений развито пьянство и разврат». Но как ни грозен был заместитель Верховного главнокомандующего, это был тот случай, когда приказы его игнорировались и выполнение саботировалось...

На исходе войны, 1 февраля 1945 года, маршал Жуков написал записку командующему 1-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенанту Катукову, Герою Советского Союза (второго Героя Катуков получил 6 апреля 1945 года), и члену Военного совета Попелю, приказав вручить её адресатам лично в руки:

«Я имею доклады особо ответственных людей (*намёк на особый отдел. – Прим. Р.Г.*) о том, что т. Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе <...>

Требую:

- 1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.
- 2) Немедля отправить от Катукова женщину, если это не будет сделано, я прикажу её изъять органам СМЕРШ.
- 3) Катукову заняться делом <...>»¹²

Девка, о которой уничижительно писал Жуков, – гвардии старшина медицинской службы Екатерина Красавцева (по первому мужу, расстрелянному в 1938-м, – Лебедева), служила с Катуковым с 1941 года и после войны официально стала женой командующего. Но был ли безупречен и морально чистоплотен заместитель Верховного главнокомандующего, написавший оскорбительную записку командующему танковой армией? Если бы... Как говорится, чья бы корова мычала. Там, где у кого-то морально-бытовое разложение, у маршалов Жукова, Василевского, Рокоссовского... – «чистая» любовь, позволявшая обзавестись ППЖ. У Рокоссов-

¹¹ Суворов Виктор, «Беру свои слова обратно» – Донецк: Сталкер, 2005.

¹² Бешанов В. В., «Год 1942 – “учебный”» – Мн.: Харвест, 2003

ского помимо тыловой жены за войну набралось пять сердечных подруг (одно- и двухразовые фронтовые жены не в счёт).

Жуков, оставив в тылу двух невенчаных жён, родивших ему трёх дочерей, так увлёкся новой «супругой», младшим лейтенантом медицинской службы Захаровой, что во время визита в СССР генерала Эйзенхауэра, командующего американской армией, сопровождая союзника, в персональный самолет Эйзенхауэра потянул за собой «военно-полевую жену». Будущий президент США во время перелёта в Ленинград изрядно повеселил окружение маршала, когда, не зная реального статуса Лидочки Захаровой, пригласил «супругов» Жуковых посетить после войны Соединённые Штаты Америки.

Александр Бучин, шофер Жукова, вспоминал о фронтовой любви маршала: «Георгий Константинович к ней крепко привязался. Несмотря на свой крутой нрав, к Лидочке относился очень душевно, берёг. <...> Застенчивая, стыдливая, Лидочка не терпела грубостей, а Жуков иногда до слёз её доводил своими солдатскими выражениями, хотя и, не скрывая этого, любил её и старался беречь».

Но только ли Лидочка веселила сердце маршала Жукова? Из показаний адъютанта Жукова, подполковника Сёмочкина, арестованного по «трофейному делу», Жуков неоднократно во время войны уединялся «с разными женщинами в служебных кабинетах, после чего награждал их боевыми орденами».

Из покаянной объяснительной записки Жукова секретарю ЦК ВКП(б) Жданову 12 января 1948 года: «Я подтверждаю только один факт – это мои близкие отношения с Лидией Захаровой. Но она получала ордена и медали не от меня лично, а от командования фронта, наравне с членами команды, которая меня обслуживала в годы войны <...> Я вполне осознаю, что я виноват в том, что был с нею связан и она жила со мной».

Всего же за годы войны Лидочка Захарова получила «от командования фронта» (командующий Жуков) орден **боевого (!)** Красного Знамени, Красной Звезды, пять медалей и три иностранных награды – не каждый боевой офицер мог похвастаться таким иконостасом.

Несомненно, эта информация была в распоряжении Сталина. Любопытно, какой была бы реакция Жукова, если бы в ответ на его «шалости», включая приглашение Лидочки в самолёт Эйзенхауэра, он получил бы радиogramму из Ставки, в которой Верховный главнокомандующий в том же духе, в каком Жуков писал Катукову, пригрозил бы силами СМЕРШ отобрать у него *девку*?

Записка «поборника нравственности» маршала Жукова генерал-лейтенанту Катукову наилучшим образом характеризует моральный облик 1-го заместителя Верховного главнокомандующего – он то хорошо знал, что ожидает попавшего в руки СМЕРШ (аббревиатура «смерть шпионам»).

За маршалами бок о бок с фронтовыми жёнами шествовали командармы и начальники политотделов, члены Военных советов, комдивы и политруки... генералы Власов, Черняховский, Еременко...

Сталин сквозь пальцы смотрел на амурные подвиги своих генералов. Они это знали и этим даже гордились. Генерал-майор Сульянов привёл рассказ маршала Рокоссовского, поведенный на совместной рыбалке. Маршалу эту историю рассказал генерал армии Черняховский. Якобы Мехлис, член военного совета 3-го Белорусского фронта, доложил Сталину о любовных похождениях Черняховского. Сталин поинтересовался: «А как воюет Черняховский?» – «Хорошо воюет, – ответил Мехлис и спросил, предвкушая взбучку, ожидающую командующего фронтом. – Так что же делать будем с товарищем Черняховским?» – «Что будем делать? – передразнивая Мехлиса, переспросил Сталин. – Завидовать»¹³.

¹³ Сульянов А. К., «Маршал Жуков: Слава, забвение, бессмертие» – Мн.: Харвест, 2002.

Свидетелей этого разговора нет, и если Черняховский был о нём информирован и поделился с Рокоссовским, бахвалясь и чуть приукрасив детали, то это означало одно лишь: ему о нём рассказал Сталин. С какой целью? Он любил сталкивать людей. Спокойнее, когда подчинённые друг на друга стучат.

Маршал Брежнев – в годы войны полковник – тоже не на шутку влюбился; привёз боевую подругу домой, зашёл в квартиру объясниться с семьёй, попросив фронтовую жену подождать в припаркованной к дому машине, но, будучи слабохарактерным, уступил скандалу, закатанному дочерью, и остался с официальной женой. А Галина Брежнева, увлечшись впоследствии артистами цирка, в ответ на упрёки отца напоминала ему о фронтовых прегрешениях.

Генерал-лейтенант Власов, командующий 2-й ударной армии и по совместительству заместитель командующего Волховским фронтом, перед тем как в июле 1942-го оказался в немецком плену, забрасывал нежными письмами двух женщин: жену, Анну Власову, и ППЖ, военврача Алечку Подмазенко. ППЖ уехала в феврале 1942-го в тыл, к матери, рожать сына от командующего армией. С отъездом Алечки продолжились любовные подвиги Героя обороны Москвы, обласканного Сталиным за оборонительно-наступательные бои за столицу (Власова вслед за вождём называли «спасителем Москвы»). Следующей фронтовой женой сексуально-неудержимого генерал-лейтенанта стала повариха Мария Воронова. С ней он и попал в плен («влюблённых» сдал староста деревни Туховежи, у которого Власов, переодевшись в штатское, попросил ночлег и еду, неосмотрительно одарив старосту серебряными часами, чем и навлёк на себя подозрение).

Не повезло генеральским жёнам. Обе жены, родившие от него детей, официальная и походно-полевая, после перехода Власова на сторону немцев были арестованы НКВД и отбыли в лагерях соответственно восемь и пять лет, затем в ссылке, на поселении. Алевтину Подмазенко реабилитировали в 1987 году, а Анну Власову (официальную жену) – лишь в 1992-м, когда СССР перестал существовать. А ведь всё могло случиться иначе, не угоди командующий в окружение и не попади в плен, где начал сотрудничать с немцами. Окажись Власов удачливее, выйдя из окружения, пусть даже как маршал Кулик, в крестьянской одежде и без документов, в конце войны он, как и Рокоссовский, мог бы стать маршалом, дважды Героем Советского Союза и кавалером ордена «Победа». И его многочисленные жёны были бы счастливы. Их дачи ломились бы от немецких трофеев, примиривших их с действительностью и друг с другом...

К слову сказать, похотливый Власов не обидел и немок: на исходе войны в марте 1945-го справил в Карлсбаде свадьбу с Адель Биленберг, вдовой офицера СС. А что? «Своих» баб, советских, дозволено брюхатить, а «чужих» нельзя, стало быть? Это не только не по-джентельменски, но и не по-генеральски.

...Любвеобильные маршалы по большей части оказались людьми порядочными. Рокоссовский признал отцовство дочери Надежды, родившейся 7 января 1945 года, дал ей свою фамилию и материально поддерживал, но с матерью, миниатюрной блондинкой, военврачом Галиной Талановой, больше не стал встречаться. Галина Таланова маршалу Рокоссовскому свой «талант» уже отдала. Зато другие суровые мужчины, маршалы Конев и Малиновский, с довоенными законными жёнами расстались и с фронтовыми подругами, Тонечкой и Раечкой (глядя на голубков, от умиления хочется прослезиться), после окончания войны официально зарегистрировали походный союз, в котором также произвели на свет ребятишек.

А фронтовой роман командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского, которому сам Сталин «завидовал», завершился трагически. 18 февраля 1945 года 38-летний командующий был смертельно ранен осколком артиллерийского снаряда. В тылу остались жена и двое детей, сын и дочь. Им не пришлось пережить то, что испытали жёны и дети других высших офицеров Красной армии, мужья и отцы которых после войны, как маршал Жуков, разрывались между двумя семьями, официальной и неофициальной, и по устоявшейся привычке продолжали сидеть на двух стульях...

* * *

Винить «фронтовых жён» нельзя. Не все женщины способны приспособиться к фронтовому быту, к невозможности ежедневно помыться, справить в укромном месте естественные надобности (в окопах раздельные туалеты не строили) и соблюдать личную гигиену при месячных (мужчины лишены этого «удовольствия»). Можно ли осудить страдалиц за желание облегчить жизнь романом с влиятельным командиром, временно ставшим опекуном? Неизвестно, как повели бы себя на фронте мужчины (*автор просит прощения за сюрреализм*), если бы по законам природы в репродуктивном возрасте мужская задница ежемесячно кровоточила бы. Стараясь улучшить бытовые условия фронтовой жизни и сделать её человеческой, женщины искали опеки высокопоставленных офицеров. Одни фронтовые жены искренне влюблялись, надеясь связать послевоенную жизнь с материально обеспеченным генералом; другие понимали, что сопротивление бесполезно – имеющие власть жизнь упрямыце создадут концлагерную; третьи, лишённые высокопоставленного покровительства, подвергались надругательствам и, дабы избежать невыносимого быта, стремились забеременеть и демобилизоваться из армии.

Тяжелораненый танкист Боднарь вспоминал здоровенных девах, загружавших носилки с ранеными в направлявшийся в Москву санитарный эшелон. Они ехали в соседнем вагоне и всю дорогу распевали весёлые песни – война для них завершилась, они отправлялись рожать. В октябре сорок первого, когда их мобилизовали в армию, девушки получили материнский наказ: «Быстренько забеременей и возвращайся домой»¹⁴.

Ударом по фронтовичкам стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года, известивший, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов». «Господа офицеры», фронтовые мужья походно-полевых жён, не ответственны за зачатых ими детей и не обязаны выплачивать алименты на их содержание.

Это был удар в спину. Прежнее семейное законодательство 1926 года приравнивало фактический брак к юридическому. Дети, появившиеся в гражданском браке (незарегистрированном), в случае его прекращения законом обделены не были. С появлением нового семейного законодательства генеральские жёны восторжествовали, фронтовые – заплакали. Им на память о войне осталось стихотворение Константина Симонова, в котором фронтовичек холодно поблагодарили за «тепло неласкового тела».

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: «Война...» —
И наспех женщин обнимают.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.

Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.

¹⁴ Дробкин А.В., «Я дрался на Т-34» – М.: Эксмо-Яуза, 2005

Симонов знал, о чём он писал, и не только потому, что его жену, красавицу-киноактрису Валентину Серову, уложил в постель генерал Рокоссовский. Жену ему вернули благодаря заступничеству товарища Сталина. Симонов, свидетель человеческих трагедий, переживаний «временных жён» и забытых девчонок, свою жену простил, потому как и сам грешил. Потому как война. Автор строк «жди меня, и я вернусь, всем смертям назло» от лица офицерского корпуса сказал фронтовым подругам «спасибо». И сухо уточнил, больно и не по-мужски, чтобы на большее «бабье» не рассчитывало, за то что «пожалела, как умела... теплом неласкового тела». Героям-офицерам потребовались водка и жалость.

Что ещё тебе, ППЖ, надо? Господа офицеры, суровые мужчины, привыкшие к походной жизни, жалеть не обучены. Впрочем, и страна, в которой им выпало жить, не обучена жалеть. Никого. Но надо отдать должное Константину Симонову. Он посочувствовал. В стихотворении «Сын», написанном в 1954 году на основе реальных событий, описана обычная для того времени трагедия, напомнившая автору кинофильм «Военно-полевой роман» Петра Тодоровского:

Был он немолодой, но бравый;
Шёл под пули без долгих сборов,
<...> И погиб под самым Берлином,
На последнем на поле минном,
Не простясь со своей подругой,
Не узнав, что родит ему сына.

И осталась жена в Тамбове.
И осталась в полку саперном
Та, что стала его любовью
В сорок первом, от горя чёрном;

<...> Ничего от него не хотела,
Ни о чём для себя не просила,
Но, от пуль закрыв своим телом,
Из огня его выносила

И выхаживала ночами,
Не беря с него обещаний
Ни жениться, ни разводиться,
Ни писать для неё завещаний.

<...> Только ей одной да мальчишке,
Что читает первые книжки,
Что с трудом одет без заплаток
На её, медсестры, зарплату.

Иногда об отце он слышит,
Что был добрый, храбрый, упрямый.
Но фамилии его не пишет
На тетрадках, купленных мамой.

<...> Есть над койкой его на коврике

Снимок одерской переправы,
Где с покойным отцом, полковником,
Мама рядом стоит по праву.

Не забывшая, незамужняя,
Никому другому не нужная <...>

* * *

Были политработники, пытавшиеся воспрепятствовать моральному разложению войск. 25 ноября 1943 года и.о. начальника Политуправления Ленинградского фронта генерал-майор Холостов доложил Командующему войсками фронта генералу армии Говорову и члену Военного совета генерал-лейтенанту Кузнецову о фактах бытового разложения высших офицеров 86-й стрелковой дивизии. В докладной записке указывалось, что все командиры стрелковых и артиллерийских полков, начальник контрразведки «Смерш» и заместитель командира дивизии по политчасти обзавелись временными женами. Чаше всех меняли жён те, кому по должности полагалось следить за моральной чистотой войск: председатель Военного трибунала дивизии «женился» три раза, начальник штаба сожительствовал с пятой «женой», комдив – с 19-летней девушкой, забеременевшей от него, а начальник разведки штаба дивизии (*не иначе как в немецком тылу*. – Прим. Р.Г.) заболел венерической болезнью и заразил временную жену¹⁵.

Оргвыводов не проследовало. Записку спрятали в сейф, сохраняя на будущее, на случай «открытия дела».

Подобная ситуация была почти во всех воинских подразделениях. Незащищёнными оказались даже сугубо женские боевые части. В ноябре 1942-го по личному указанию Сталина началось формирование первой отдельной женской добровольческой стрелковой бригады (ОЖДСБр) численностью семь тысяч человек, состоящей в основном из 19-20-летних девушек. Однако воевать девчатам пришлось с соотечественниками – на женскую бригаду, как пчёлы на мед, накинулись командиры-инструкторы, и девушки не выдержали натиска, начались «небоевые потери»: в январе, через два месяца после начала формирования, пятьдесят восемь «бойцов» демобилизовали по причине беременности. С декабря по февраль, не выдержав «тягот армейской службы», из бригады дезертировало шестьдесят девушек – двух беглянок, отказавшихся на кушетках выполнять свой «гражданский долг», в январе 1943-го приговорили к расстрелу. Желаящих попасть под трибунал поубавилось, и ежемесячно около ста девушек отправлялись в тыл улучшать демографию. Летом 1944-го бригаду, так и не дошедшую до фронта, расформировали. Женщин, оставшихся боеспособными, распределили по подразделениям¹⁶. Таких случаев было немало – женщины-военнослужащие, спасаясь от домогательств, «выскакивали замуж» за нелюбимого, но влиятельного командира или спешили забеременеть и демобилизоваться из армии, развернувшей охоту на женщин.

Немногие девушки, ушедшие на фронт добровольцами, представляли, что их ожидает в армии. Из воспоминаний студентки исторического факультета Московского университета, в дни обороны Москвы записавшейся на курсы медицинских сестёр. Сердобольный профессор провёл со студентками разъяснительную беседу:

«Я пришёл вам сказать, что главной задачей, которую вы призваны выполнять на фронте, будут не перевязки. И не помощь на поле боя. Ваша задача будет поднимать настроение вои-

¹⁵ Ф. 217, оп. 1221, д. 3171, л. 430.

¹⁶ Шахметов Наиль, «Литературный Башкорстан», № 9, 2004.

нов... Ну, скажем, обслуживать армию в качестве женщин... Так сказать, половое общение, без которого мужчинам бывает очень трудно. Вы должны понять: для солдат и офицеров, которые будут отлучены от своих семей, вы будете единственными женщинами... Так что перед тем, как идти в армию, подумайте.

Мы всё выслушали, но <...> не поверили этому профессору. Потому что у нас никогда и нигде не обсуждалась проблема, которую мы теперь называем проблемой секса. Однако сейчас я думаю, что этот человек во многом был прав <...>»¹⁷.

Во всех армиях, сражающихся во Второй мировой войне, были организованы солдатские и офицерские бордели (подробнее в III и IV частях), в Красной армии по идеологическим соображениям официально этого быть не могло, а неофициально... многое решалось в индивидуальном порядке. Где-то по любви, где-то по принуждению, а где-то – потому что такова жизнь. Се ля ви. Об этом следующая история.

¹⁷ Млечин Л.М., «Один день без Сталина. Драматическая история обороны Москвы» – М.: Алгоритм, 2016.

Партизанская жена

Жизненные истории из далёкого прошлого всплывают неожиданно. Ирина Соларёва, продюсер «Эхо Москвы», рассказала о своём дед, отце пятерых детей, призванном в армию в июне 41-го (о беременности жены шестым ребёнком дед не знал) и пропавшем без вести в первые дни войны. Он не прислал ни одного письма, ни одной весточки и вернулся внезапно, когда его перестали ждать, в 1946 году, в конце зимы.

Соларёва: «С раннего-раннего детства, с семейных праздничных застолий, когда в родительском доме моего отца собиралась вся семья Соларёвых, я знала, что мой дед был в плену. Каков бы ни был повод для застолья, после нескольких рюмок и тоста за погибших и – отдельно! – за погибших в плену, дед всегда затягивал: “22 июня, ровно в 4 часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...” Потом он плакал, пил, опять пел, опять пил, пока не опустошалось всё, что было»¹⁸.

Через много лет она узнала от мамы правду о своём дед. В первом же бою он попал в плен, раненным и контуженным, но ему повезло. Немцы не знали, что делать с тремя миллионами пленных, свалившимся им на голову в первые месяцы войны, где взять столько продовольствия, как избежать эпидемий, и поначалу предлагали местным жителям забирать домой своих родственников. Когда он оглохший, онемевший, страдающий от безумной боли лежал на земле за колючей проволокой среди тысяч таких же, как и он, пленных красноармейцев, появилась какая-то женщина, указавшая на него охранникам. Он ничего не соображал. Она подняла его с земли, привела в дом на хуторе, отмыла, выходила, постепенно к нему вернулись слух, речь, он стал помогать ей по хозяйству, и... они зажили семьей. Затем дед ушёл в лес к партизанам; когда мог, навещался на хутор. Партизанская бригада влилась позже в состав Красной армии, дед дошёл до Берлина и даже расписался на здании Рейхсканцелярии, а после Победы вернулся к партизанской жене, с которой нажил двоих детей. Через год дед надумал поехать на Урал, объяснить жене, что другой женщине обязан жизнью, повиниться, попросить прощения, повидать детей и... проститься. Приехав, увидел шестерых детей. «Простите, если сможете», – написал дед в письме, ушедшем партизанской жене, а дальше писала уже его жена, благодарившая незнакомую женщину, спасшую отца её шестерых детей от неминуемой смерти. Она писала, что он навсегда останется отцом для нажитых с ней детей, они всегда могут приехать и жить с ним, сколько пожелают. Ответа он не дождался. Через некоторое время дед отправил партизанской жене ещё одно письмо, вернувшееся за отсутствием адресата. Дети войны его никогда не разыскали...

Ещё одна жизненная драма. Сколько их было в семьях, разлученных войной! Любовь, секс, дети войны – всё вперемешку.

...А племенной бык своё дело знал, после войны у Соларёвых родилось ещё четверо – два мальчика и две девочки. Бабушке в награду достался полный комплект орденов материнской Славы и золотая звезда «Мать-героиня».

¹⁸ Соларёва Ирина, http://echo.msk.ru/blog/solareva_i/

Пешки Отечественной войны

Война для военных историков – карты сражений, детали боёв, маневры войск, приказы и директивы командования, количество войск и вооружений, переговоры на высшем уровне глав правительств и государств, в том числе закулисные, после которых войска, как фигуры и пешки, перемещаются на шахматной доске, называемой «театр военных действий».

Для писателя война – калейдоскоп событий, пронзительные человеческие истории и стрессовые ситуации, в которых проявляется истинный характер. Трагедия, любовь, измена, героизм, самопожертвование, трусость, предательство. Всё переплетено. Реальные истории невероятные, сюжеты неисчерпаемые, каждая судьба – книга.

...Шахматный король – фигура на шахматной доске неприкосновенная. Пешки никто не считает. Пехотинцами шахматной доски жертвуют (часто даже не задумываясь), приговаривая: «Пешки не орешки».

Советские маршалы воспринимали человеческие жизни как шахматные фигурки. Триста тысяч пешек пожертвовал гроссмейстер Жуков на Зееловских высотах, бросив пехоту на минные поля, трупами разминировав дорогу ладьям, танковым корпусам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.